

МИХАИЛ А. РОБИНСОН

«РЕАКЦИЯ НЕРУ ДУРНАВО НЯ МЕСЦА Ў АКАДЕМІІ НАВУК» И «ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА Н. Н. ДУРНОВО»

Абстракт

Для белорусского сообщества ученых-лингвистов в период «белорусизации» 1920-х годов были характерны острые дискуссии, сопровождавшиеся взаимными политическими обвинениями. Эти обвинения привели к исключению Н.Н. Дурново из Белорусской АН и снятию его кандидатуры с выборов в АН СССР.

Abstract

During the so called period of “belorusizaciya” in the 1920s, the Belorussian scholarly linguistic community was split and deeply involved into fierce disputes followed by mutual political charges. These charges had led to Nikolai N. Durnovo’s exclusion from the Belorussian Academy of Sciences and striking-off his name from the nominees-list for the elections to the Academy of Sciences of the USSR.

Ключевые слова

Инбелкульт ■ белорусизация ■ марризм ■ марксизм ■ языкознание ■ белорусский язык

Key words

Inbelkult ■ “belorusizaciya” ■ marrism ■ marksism ■ linguistics ■ Belorussian language

В декабре 1929 г. Н.Н. Дурново был лишен звания академика Белорусской академии наук и вернулся в Москву. Это был первый случай в истории Белорусской АН исключения из ее рядов с лишением звания академика (Возвращенные имена 1992, 8).

Судьба связала Дурново с Белоруссией достаточно случайно. С трудом добившись командирования в Чехословакию, ученый значительно превысил сроки пребывания за границей, оказавшись в положении полуэмигранта. Неоднократно он обращался к коллегам с просьбой найти ему какое-либо место работы на родине. Казалось бы, неожиданное стечение обстоятельств: наметившаяся с середины 1927 г. (Петрыкаў, Токараў, Галенчык 1993, 29) реорганизация

Института белорусской культуры (Инбелкульту) в национальную академию наук открывала, наконец, возможность для почетного возвращения из Чехословакии, хотя перспектива оказаться в Минске не очень радовала ученого:

«Минску я, конечно, предпочел бы Москву или Петроград, п[отому] ч[то] смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет» (Робинсон, Петровский 1992, 69).

Но выбора, ехать или не ехать в Минск, у ученого не было, это был тогда единственный шанс вернуться на родину.

Появление Н.Н. Дурново в первом составе академиков БАН было санкционировано на самом высшем уровне. Ничто не предвещало столь непродолжительного, чуть более одного года, пребывания Дурново в почетном звании академика БАН.

Некоторые коллеги-слависты с сочувствием отнеслись к решению Дурново. Н.С. Трубецкой, писал 15 ноября 1927 г.: «Очень рад за Вас, что судьба Ваша, наконец, определилась и, притом, определилась в такой форме, которая дает Вам возможность вновь соединиться с Вашей семьей»¹. Но были и прямо противоположные мнения, так, Г.А. Ильинский выражал свои опасения Дурново по поводу его решения обосноваться в Минске в письме от 21 января 1928 г.: «Мне очень обидно за Вас, что Вы меняете Впо на Минск, осиное гнездо б[ело]р[усских] шовинистов. Человек с самостоятельным характером едва ли там уживется, – оттуда бегут все, кто только может»².

О непростой ситуации, сложившейся в белорусском научном обществе, Ильинский мог знать из своей переписки с Б.М. Ляпуновым, которому о ней сообщали из Минска ученик А.А. Шахматова И.О. Волк-Леванович и собственный ученик Ляпунова П.А. Бузук. Так, например, в середине октября 1925 г. Волк-Леванович в письме Ляпунову выражал сомнение в том, что подготовленная им работа³ будет опубликована, «т.к. в ней есть места, кои могут не понравиться

---

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2297. Опись 1. Дело 28. Лист 1.

² РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

³ О работе над университетским курсом белорусского языка «Короткі нарыс гісторыі беларускай мовы. Ч. I. Уступ і фонэціка» Волк-Леванович писал Ляпунову 6 июля 1925 г. (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 4). Под названием «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» работа все-таки была издана на средства автора в 1927 г. на гектографе. Переиздана в 1994 г.

моим компатриотам из крайнего националистического лагеря, имеющим влияние»⁴.

Важнейшим мероприятием в истории становления белорусской гуманитарной науки и не только стала Академическая конференция 1926 г. Проведение конференции считалось не только важнейшим научным, но и политическим событием, поэтому накануне открытия конференции на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б 12 ноября 1926 г. был принят окончательный порядок ее проведения и освещения в прессе (Памяць і слава 2006, 226).

Приглашения были разосланы многим ученым за пределами Белоруссии. Как отмечал В.М. Игнатовский, председатель Инбелкульта, одной из задач организаторов конференции было привлечь ««китов науки» из заграницы и СССР». Из списка приглашенных видно (Запрудскі 2004, 22), что «киты» русского академического славяноведения – академики Е.Ф. Карский, П.А. Лавров, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, А.И. Томсон, Л.В. Щерба – по разным причинам не смогли или не захотели посетить это мероприятие, а академик Б.М. Ляпунов принял заочное участие.

Конференция прошла в острых дискуссиях среди белорусских ученых, сопровождалась она и политическими выпадами в адрес представителей русской академической науки, в частности, в адрес Ляпунова⁵. А о так называемом «черносотенстве» Е.Ф. Карского заявлял в печати такой видный белорусский деятель, как Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный) (Мушынскі 1993, 65). Мы полагаем, что некоторые ученые предполагали, что на конференции дело не обойдется без подобных выпадов, поэтому и отказались от участия в ней. Полную поддержку и одобрение такому решению Карского выразил А.И. Соболевский. «Хорошо сделали Вы, – писал он 6 февраля 1927 г., – что в Минск не поехали»⁶.

Уже после конференции разгорелся конфликт между Волк-Левановичем с одной стороны и Бузуком – с другой. Бузук, бывший инициатором приглашения Дурново в Минск, в спорах с Волк-Левановичем встал на сторону национально ориентированных кругов белорусской науки, активно включившимся в процесс «белорусизации» политической и культурной жизни Белоруссии. Участники конфликта все больше переходили на личности, множились взаим-

4 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 1 об.–2

5 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 42–42 об.

6 ПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 131. Л. 55.

ные обвинения в «шовинизмах» «великодержавном» и «белорусском», к конфликту подключалась пресса, студенты бойкотировали лекции «реакционера» и т.д.⁷

Волк-Леванович продолжал жаловаться Ляпунову в ноябре 1926 г. на «всяких Лёсикив и их присных – ярых шовинистов, а главное невежд с большими претензиями. Меня здесь готовятся съезть, т.е. попросту выгнать из Университета за то, что я, по их мнению, недостаточно “истинный” белорус»⁸. Уже тогда Волк-Леванович задумался о перспективе покинуть Белоруссию. Он просил Ляпунова поискать для него место в Ленинграде.

Можно уверенно считать, что именно эти настроения Волк-Левановича дали основание Ильинскому для его заключений об «осином гнезде белорусских шовинистов». И именно в эту обстановку, отнюдь не способствовавшую спокойным научным занятиям, предстояло попасть Н.Н. Дурново.

Очутившись в Минске, Дурново довольно скоро составил себе ясное представление об абсолютной научной неподготовленности своих коллег по Белорусской академии наук, занимавшихся лингвистическими вопросами. Ученый особо обратил внимание и на неуместную в науке идеологическую предвзятость подобных исследований. «Их белорусский патриотизм, – писал Дурново 19 апреля 1929 г. Ляпунову, – часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма»⁹. Заметим, что своего отрицательного мнения о деятельности некоторых национально ориентированных белорусских лингвистов ученый не изменил и позже. Уже находясь в заключении в Соловецком лагере, Дурново в показаниях прокурорской проверки констатировал: «...мне, как русскому, больно было видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский и наводняли их полонизмами, чехизмами и даже германизмами, не известными живому языку» (Робинсон, Петровский, 1991. 79).

Нам представляется, что выдвижение Дурново на выборах в действительные члены АН СССР осенью 1929 г. роковым образом повлияло на его положение в Белорусской АН и быстро привело к ис-

⁷ См. подробнее (Рублевская, Скалабан 2009, № 161).

⁸ ПФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 9.

⁹ ПФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 69–69 об.

ключению из нее. Главными инициаторами выдвижения были Е.Ф. Карский и Б.М. Ляпунов (Робинсон, 362–363).

Именно это выдвижение вызвало начало травли Дурново в белорусской прессе. Одна из публикаций, подписанная «Научковый працовник», носит говорящее название «Рэакцыянеру Дурнаво – ня месца ё Акадэміі Навук»; вторая – «Навукова-даследчая праца БАН у асьвятленьні бальшавіцкай самакрытыкі», опубликованная в газете «Савецкая Беларусь»¹⁰, – принадлежит перу одного из вице-президентов Белорусской АН Н.И. Белуге. Содержание подобных публикаций вскоре стало известно и в Москве. И у Ильинского были все основания писать Ляпунову 26 декабря 1929 г.: «Здесь мы все глубоко возмущены травлей почтенного Н.Н. Дурново белорусс[кими] учеными кругами. И всего ужаснее то, что его обвиняют в несуществующих преступлениях; напр[имер], он никогда не был “мини-стерским братом”»¹¹.

Движущей силой «дела Дурново» являлось Белорусское Центральное бюро секции научных работников (СНР). Руководящую роль в этой организации играла ее коммунистическая фракция. Именно на заседании этой фракции 15 декабря 1929 г. Дурново обвинили в том, что он в некрологе А.И. Соболевского, напечатанном в Праге в «Slavia», посмел написать «о плохом материальном и моральном состоянии» ученого после 1917 г. (Шевчук 2011, 85). Затем в дело вступил Президиум Белорусской Академии наук: «на заседании 18–19 декабря Президиум решил: “... подать через Академический совет БАН докладную в СНК о лишении академика Дурново звания академика и увольнении его с работы в БАН”» (Шевчук 2011, 84). Но донос в Москву с отрицательной характеристикой Дурново был направлен от белорусского СНР. Он поступил в соответствующую союзную инстанцию. В свою очередь, Центральный совет секции научных работников профсоюза работников просвещения СССР согласился 27 декабря¹² с мнением белорусских товарищей и направил в «Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК’а СССР» документ («О кандидатах в Академию Наук») следующего содержания: «ЦБ решительно возражает против кандидатуры проф. Дурново, так как, по отзыву Белорусского ЦБ СНР,

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 8.

¹¹ ПФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 242 об.

¹² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 17.

он является идеологически чуждым и реакционно настроенным научным работником»¹³. Подписал документ ответственный секретарь ЦБ СНР К.В. Островитянов, сделавший впоследствии впечатляющую академическую карьеру на ниве обоснования и развития такой научной дисциплины, как политэкономия социализма.

В названном Комитете ЦИКа, который отвечал и за выборную кампанию в Академию, было заведено соответствующее «дело». Надо полагать, что для убедительности обвинений, предъявлявшихся Дурново, к делу были приобщены и две упоминавшиеся статьи из белорусских газет, опубликованные еще до исключения Дурново из Белорусской АН. От ученого было затребовано объяснение, которое он написал 2 января 1930 г., озаглавив его «Заявление профессора Н.Н. Дурново»¹⁴.

В основном «заявление», состоящее из 10 частей, посвящено ответу анонимному «научному работнику», чья заметка полна всяческих измышлений. Этот печатный донос завершился решительным выводом: «Дурново не должно быть места не только в Академии наук СССР, но также и в Белорусской академии наук»¹⁵. Содержится в «заявлении» также ответ обвинениям Н.И. Белуге в нападках на «марксистскую методологию».

Дурново последовательно раскрывал в своем «заявлении» несостоятельность предъявляемых ему обвинений, начиная его с опровержения главного «политического» обвинения – попытки связать его близкими родственными отношениями с известными деятелями царской администрации.

Дурново, решительно опровергая подобные домыслы, представил такие факты из семейной истории, которые могли бы вполне положительно выглядеть в глазах инстанций. Он подчеркивал, что его отец «боролся путем печатного слова с царским правительством», обличал «русификаторскую политику правительства на окраинах и империалистическую политику на Ближнем и Дальнем Востоке». Особенно Дурново отмечал защиту отцом «прав грузинского народа» и, в связи с этим, статьи по «разоблачению деятельности» митрополита Владимира (Богоявленского, 1848–1918), экзарха Грузии Никона (Софийского, 1861–1908), священника И.И. Восторгова (1864–1918). Указывал ученый и на прямое родство с революцион-

¹³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 17.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 7–1.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 8.

ными деятелями. Так, он подчеркивал особую душевную близость отца с его двоюродной сестрой «народоволкой Елизаветой Петровной Дурново, вышедшей замуж за Эфрона».

Мы полагаем, что Дурново, имея горький опыт изгнания из Белорусской Академии наук, старался, как ему представлялось, учесть политические и идеологические особенности момента. Так, упоминая об отце и его борьбе с властями, он не называет имени Николая Николаевича Дурново, своего полного тезки. Что же нам известно о Н.Н. Дурново-старшем? Каких-нибудь специальных исследований, ему посвященных, в настоящее время не существует; сошлемся на замечание современного исследователя, который призывает «не путать (Н.Н. Дурново-старшего. – *М.Р.*) с известным русским историком и филологом, также писавшим о Балканах, Н.Н. Дурново (1876–1937)», и что о первом «известно лишь, что он три раза посетил Сербию, с 1869 года переписывался с митрополитом сербским Михайлом, был лично знаком с известными общественными деятелями Сербии И. Ристичем, М. Милоевичем, Н. Пашичем и другими» (Бурбыга 1985, 237).

Если обратиться к упоминаниям Дурново-старшего в работах, посвященных общественным и политическим течениям дореволюционной России, а также к его многочисленным статьям и книгам, то становится очевидным, почему Н.Н. Дурново предпочел не упоминать имени своего отца. «Старейшина российской журналистики» (Бурбыга 1999, 136) принадлежал к правому крылу русского общества. Начало XX в. связано в России с обострением политической борьбы, с образованием и легализацией политических партий самой разной ориентации. В этот период Н.Н. Дурново-старший становится активным участником ожесточенной полемики внутри право-консервативного лагеря по церковным вопросам. Он сотрудничает в черносотенных изданиях, таких, как: главный орган Союза русского народа, газета «Русское знамя», и орган Московского союза русского народа, газета «Русский стяг». Когда лидер Союза русского народа А.И. Дубровин публично обвинил митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, первенствующего члена Святейшего Синода Антония (Вадковского, 1846–1912), в потакании либералам, сопроводив свое открытое письмо нападками и на личность митрополита, то к нему присоединился и Н.Н. Дурново-старший.

Н.Н. Дурново неслучайно отметил в своем «заявлении» особое внимание своего отца к «защите прав грузинского народа». В этой «защите» Дурново-старшего интересовала проблема взаимоотноше-

ний русской и грузинской церкви, занимавшая особое место в его историко-публицистических трудах (Дурново 1907; Дурново 1910). Он был сторонником возвращения грузинской церкви автокефалии, и в этом вопросе одним из его главных оппонентов выступал И.И. Восторгов, известный миссионер и активнейший участник политической жизни страны, некоторое время являвшийся членом «руководящего органа черной сотни» (Степанов 2000, 57). Восторгов выступал как решительный сторонник «русского дела» на Кавказе.

Все вышеприведенное краткое описание взглядов и деятельности Дурново-старшего свидетельствует о том, что Н.Н. Дурново сильно преувеличивал образ отца, борца с царским правительством. Если же говорить о борьбе Дурново-старшего против «русификаторской» политики властей, то, например, в отличие от проблем Грузии, в польском вопросе эта борьба выглядит совсем иначе. Дурново-старший, признавая провал русификаторской политики в Польше, объяснял это ее слабостью, «потаканием» полякам. Таким образом, очевидно, что рассказывая о своем происхождении, Н.Н. Дурново очень тщательно дозировал информацию об отце. Внешне его образ мог выглядеть в глазах властей весьма положительно – противник внешней и внутренней политики царского режима, борец с клерикализмом. Еще более укрепить положительный образ отца должно было его отношение к двоюродной сестре, которую он «любил больше всех родных». Е.П. Дурново (1853–1909), дочь гвардейского офицера, активно участвовала в революционном движении, неоднократно подвергалась арестам. Ей посвятил специальную главу «Лиза Дурново» в своих воспоминаниях знаменитый шлиссельбуржец Н.А. Морозов (Морозов 1933, 233–245). На эти мемуары Морозова, опубликованные еще в 1917–1918 годах, ссылался в своем «заявлении» и сам Н.Н. Дурново. Ученый мог бы сослаться и на специальное исследование, посвященное Е.П. Дурново, вышедшее в декабре 1929 г. (Жук-Жуковский 1929, 145–163), именно в тот момент, когда разворачивалась кампания по снятию его кандидатуры с выборов в АН СССР. Но, по-видимому, журнал «Каторга и ссылка» не входил в круг чтения ученого.

Нам кажется, что так же неслучайно Дурново указал и на то, что его двоюродная тетка была замужем за Я.К. Эфроном, который вынужден был креститься, чтобы жениться на ней. Возможно, таким образом Н.Н. Дурново хотел подчеркнуть, что не причастен к великодержавному шовинизму, обвинения в котором были очень популярны в то время. Кстати, наличие перечисленных родственников

у Н.Н. Дурново свидетельствует о том, что муж Марины Цветаевой С.Я. Эфрон приходился ученому троюродным братом.

В «заявлении» Дурново особый интерес представляет его информация о научной работе по белорусоведению, которую он успел сделать «за 20 месяцев пребывания членом Института Белорусской Культуры и Белорусской Академии Наук». За столь короткий срок им было реализовано в белорусской печати: «3 небольших статьи и 2 обстоятельных рецензии по белорусской диалектологии». Все эти работы вошли в опубликованную библиографию трудов Н.Н. Дурново под номерами 158, 163, 164, 165, 166 (Дурново 1969, 283–284). Но чтобы понять, чего лишилась гуманитарная в целом и, в частности, белорусская наука в результате удаления из Белоруссии крупнейшего русского ученого-лингвиста, следует обратить внимание на перечисление подготовленных Дурново к печати работ и его дальнейших планов.

Итак, он «представил для напечатания в Записках Академии обширный отчет о научных занятиях в Москве, содержащий исследование о языке ряда старых белорусских памятников, отчет о научной командировке в Псков, обстоятельные замечания на проект реформы белорусского правописания и статью о реформе польского правописания». Ничего из названных работ света не увидело. «Кроме того, – продолжал Дурново, – я заявил о своем желании прочесть в заседаниях Института языка Белорусской Академии Наук ряд докладов по истории белорусского языка и по вопросу об отношении звуковой и морфологической системы современного белорусского языка к соответствующим системам соседних славянских языков. Эти доклады могут явиться только в результате той работы по изучению белорусского языка, какую я проделал дома и в библиотеках в 1928–1929 гг. Эти доклады я предполагал включить в приготавливаемую мною большую работу по истории белорусского языка». Следов этого исследования Дурново также не обнаружено.

Напомним, что перед переездом из Праги в Минск Дурново сетовал в письме Ляпунову, что «смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет»¹⁶. Однако действительность опровергла это предположение ученого, и в Минске Дурново смог обратиться к рукописям. Он писал: «Я изучил с целью выявления памятников белорусского языка все рукописные хранилища Минска, пересмотрев для этого 400 старых рукописных книг, среди которых

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 60–60 об.

много белорусских и ряд старинных документов, изучил ряд старых белорусских памятников некоторых московских собраний, ездил два раза в разные районы Белоруссии для изучения говоров».

«Заявление профессора Н.Н. Дурново» было подшито в соответствующее дело, каких-либо положительных последствий оно не имело. Уже в который раз ученый оказался в крайне тяжелом материальном положении. «Бедный Н.Н. Дурново, – сетовал Ильинский в письме Ляпунову 29 января 1930 г., – в результате поднятой против него травли буквально оказался на улице: даже пенсия осталась под вопросом...»¹⁷. Коллеги пытались всеми силами облегчить положение Дурново. Так, М.Н. Сперанский, подыскивая кандидатуры для работы по библиографированию рукописей Исторического музея, вспомнил, прежде всего, о Н.Н. Дурново, который является «в настоящее время “безработным” и наиболее нуждающимся в заработке»¹⁸. «Устрашающий пример судьбы кандидатуры Н.Н. Дурново»¹⁹ стал для его коллег образцом того, как легко власть может решить судьбу выдающегося ученого.

Список литературы

- Бурбыга, В.А. 1985. Македонский вопрос в зеркале Российской печати 1904–1908 годов. *Сборник в чест на професор Христо Гандев*. София.
- Бурбыга, В.А. 1999. Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.). *Македония – проблемы истории и культуры*. Москва.
- Возвращенные имена 1992. *Возвращенные имена: сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий*. Минск.
- Дурново, Н. 1907. *Судьбы грузинской церкви. По вопросу о Грузинской церковной автокефалии*. Москва.
- Дурново, Н. 1910. *Исторический очерк автокефальных Церквей: Иверской и Имеретинской, со списками 120 епархий и католиков Мцхетского и Имеретинско-Абхазских*. Москва.
- Дурново, Н.Н. 1969. *Введение в историю русского языка*. Москва.
- Жук-Жуковский, И. 1929. Елизавета Петровна Дурново-Эфрон. Легенда о «Лизе Дурново». *Каторга и ссылка*. 12 (61).
- Запрудскі, С.М. 2004. Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі (1926) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 3. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка*.
- Морозов, Н. 1933. *Повести моей жизни*. Т. 2. Москва.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 251 об.

¹⁸ ПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 662. Л. 23.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 258.

- Мушыньскі, М.І. 1993. Літаратуразнаўства // *Інстытут беларускай культуры*. Мінск.
- Памяць і слава 2006. *Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / склад. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі*. Мінск.
- Петрыкаў, П.Ц., Токараў, М.У., Галенчык, М.І. 1993. Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры. *Інстытут беларускай культуры*. Мінск.
- Робинсон, М.А. 2004. *Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)*. Москва.
- Робинсон, М.А. Петровский, Л.П. 1991. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ–НКВД). *Славяноведение* 4.
- Рублевская, Л., Скалабан, В. 2009. Лингвистическая дискуссия с расстрелом. Фрагмент биографии Осипа Волк-Левановича. *Советская Белоруссия*. 2009.28.08.
- Степанов, А.Д. 2000. *Черная Сотня: взгляд через столетие*. СПб.
- Шевчук, И.И. 2011. Минский период в жизни Н.Н. Дурново. *Славяноведение* 2.

РЕЗЮМЕ

«РЕАКЦЫЯНЕРУ ДУРНАВО НЯ МЕСЦА Ў АКАДЕМІІ НАВУК» И «ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА Н.Н. ДУРНОВО»

Н.Н. Дурново, выдающийся русский лингвист, несколько лет провел в Чехословакии, где преподавал в университете Брно. Он стремился вернуться на родину, но единственным местом, куда его пригласили, был Минск. В Белоруссии создавалась Академия наук, и ученый вошел в первый состав ее академиков. Обстановка в белорусской гуманитарной науке была очень сложной. Среди филологов существовали два боровшихся за влияние в науке течения. Более сильным течением, которое имело поддержку коммунистических властей, являлись сторонники «белорусизации». Представители этого лагеря резко критиковали ученых традиционной академической лингвистики, при этом они использовали политические обвинения ее последователей в русском «великодержавном шовинизме». Дурново довольно скоро составил себе ясное представление об абсолютной научной неподготовленности своих коллег по Белорусской академии наук, занимавшихся лингвистическими вопросами. Ученый особо обратил внимание и на неуместную в науке идеологическую предвзятость подобных исследований, которая порой выливалась «в форму нелепого и вредного шовинизма». После года пребывания в Белорусской академии наук Дурново по политическим мотивам был в конце 1929 г. из нее исключен.

После возвращения в Москву Дурново был выдвинут коллегами на выборах в Академии наук СССР. Но из Минска поступил донос с обвинением в политической и научной реакционности. Кандидатура Дурново была снята с выборов. Он был вынужден составить особое «Заявление», в котором отвергал все предъявленные ему обвинения. В «Заявлении» содержится много сведений о его отце, Н.Н. Дурново, и других родственниках. Особый интерес представляют сведения о его научных работах по белорусистике, других сведений о которых не сохранилось.

SUMMARY

Nikolai N. Durnovo, the outstanding Russian linguist, spent several years in Czechoslovakia, where he taught at Brno University. He intended to return home, but the only place where he was invited, was Minsk. Belorussia has created the Academy of Sciences and Durnovo entered the first of its academician. The situation in the Belorussian humanities was very difficult. Among linguists there were two groups fighting for an influence in the science. The stronger currents, which had a support of the communist authorities, were the supporters of the "belorusizaciya". Representatives of this camp criticized the traditional academic linguists very sharp and used against them the political prosecution in the Russian "great-power chauvinism". Durnovo soon formed a clear idea of an absolute scientific insolvency of his colleagues in the Belorussian Academy of sciences, involved in the linguistic problems. The scientist specifically drew his attention to the undue ideological bias of their research, which sometimes looked as "a form of chauvinism ridiculous and harmful". A year later, at the end of 1929, Durnovo has been excluded from the Belorussian Academy of sciences on the political grounds.

After returning to Moscow Durnovo was nominated by his colleagues for an election to the Academy of sciences. But a denunciation of the prosecution in political and scientific reaction arrived from Minsk. Durnovo's candidature was withdrawn from the election. He was forced to make a special "Declaration", which rejected all charges against him. The "Declaration" contains an interesting information about his father and other relatives. Of a particular interest are details of his research papers on "belorusistica". There is no another information about these parts of his investigations.